

М.М. Сафонов

К БИОГРАФИИ ПЕТРА III (Виселица для крысы)

Я хочу рассказать вам об одном забавном эпизоде из моей жизни. Свою карьеру историка я начинал в школе, не в гимназии, не в колледже, не в лицее для особо одаренных детей, а в обыкновенной школе № 397 Кировского района, где учились обычные дети. Однажды после урока ко мне подошла девочка и сказала: «Михаил Михайлович, подпишите, пожалуйста». Она протянула мне небольшую записку. В ней было всего четыре слова: «Петр III повесил крысу». От неожиданности я даже растерялся и спросил: «Почему я должен это подписывать?» Девочка объяснила мне, что, когда она стала рассказывать родителям о том, как Петр III повесил крысу, они подняли ее на смех: вот что ребенок выдумал! Чтобы русский царь повесил крысу, нет, такого быть не может!

Итак, может или не может?

Я знаю, что многие читатели, как и родители моей ученицы, не поверят мне. У меня в руках «Записки» Екатерины II, я открываю и читаю: «Однажды... я вошла в комнату Его Высочества и была поражена представившимся зрелищем. Посередине кабинета, который он устроил себе, прорубивши стену, была повешена огромная крыса. Я спросила, что это значит, и получила в ответ, что крыса эта совершила уголовное преступление и по военным законам подверглась жесточайшему наказанию, что она забралась на бастионы картонной крепости, стоявшей у него на столе в этом кабинете, и на одном из бастионов она съела двух поставленных на стражу часовых из крахмала, что за это он приказал судить преступницу военным судом, что его собака-ищейка поймала крысу, которую немедленно за тем повесили с соблюдением всех правил казни и которая в течение трех суток будет висеть на глазах публики для внушения примера. Я не могла удержаться от хохота, выслушав эту удивительную неле-

пость; но это очень не понравилось Великому князю, и, видя, какую важность придает он казненной крысе, я ушла и сказала, что, как женщина, ничего не смыслю в военных законах. Но он не переставал дуться на меня за тот хохот и за то, в оправдание крысы я говорила о необходимости, прежде чем вешать ее, расспросить и выслушать ее оправдание»¹.

Когда я размышляю о судьбе Петра III, всегда вспоминаю родителей той девочки, моей ученицы. Их здравый смысл, не позволивший поверить им в эту басню, меня до сих пор восхищает. Другое дело историки. Кажется, им есть чему поучиться у недоверчивых родителей. И Сергей Михайлович Соловьев, и Василий Осипович Ключевский, описывая Петра III, повторяли характеристики, данные Екатериной II². Рассказ о повешенной крысе занял в «Курсе российской истории» Ключевского свое место. Стреляный воробей, но попался на мякине — есть такая русская поговорка. Увы, она применима не к одному Ключевскому.

Сегодня повешенная Петром III крыса — это своеобразный бренд этого государя. Теперь при упоминании имени Петра прежде всего вспоминается казнь крысы. Петр и крыса — такая же неразлучная пара, как Сцилла и Харибда, Орест и Пилат, Иван да Марья, Шарлотта Корде и Жан-Поль Марат, Марк Чэпмен и Джон Леннон. Поразительно, но никто из историков никогда серьезно не проанализировал этот знаковый эпизод для биографии Петра III, ставший фатальным для репутации внука великого преобразователя России.

Давайте посмотрим, в каком контексте в екатерининских мемуарах упоминается повешенная крыса. Этот эпизод относится ко времени пребывания двора в Москве летом 1753 г. У великой княгини Екатерины только что произошел выкидыш. От тоски жена наследника престола, Великого князя Петра Федоровича, всеми брошенная и совершенно забытая мужем, часто плакала в одиночестве. «Что касается великого князя, то он был большей частью в своей комнате, — пишет Екатерина, — где один украинец по имени Карнович, такой же дурак, как и пьяница, забавлял его, как умел, снабжая его, сколько мог, игрушками, вином и другими крепкими напитками без ведома» воспитателя Чоглокова. «Но в этих ночных и тайных попойках великого князя со своими камердинерами, среди которых было несколько калмыков, случалось часто, что великого князя плохо слушались и плохо ему служили, ибо, будучи пьяны, они не знали, что делали, и забывали, что они были со своим господином, что этот господин — великий

князь; тогда его императорское высочество прибегал к палочным ударам или обнажал шпагу, но, несмотря на это, его компания плохо ему повиновалась, и не раз он прибегал ко мне, жалуясь на своих людей и прося сделать им внушение; но тогда я шла к нему и выговаривала им всю правду, напоминая им об их обязанностях, и тотчас же они подчинялись, что заставляло великого князя неоднократно говорить мне и повторять также» камердинеру Брессану, «что он не знает, как я справляюсь с его людьми; что он их сечет и не может их заставить себе повиноваться, а я одним словом добиваюсь от них всего того, чего хочу»⁴. Когда Екатерина вошла туда с этой же целью, она и увидела казненную крысу.

Когда читатель пробегает глазами это эпизод совокупно с предыдущим, у него невольно, подсознательно рождается мысль о том, кто же более достоин управлять страной? Неужели великий князь, который играет в бирюльки и не может справиться даже с находящимися в его полной власти камердинерами? Они забывали, кто был их господин. Ни палочные удары, ни угрозы шпагой не могли привести их к повиновению. Хорош господин! А вот Екатерина — совсем другое дело. Не будучи их госпожой, она умела выговорить им всю правду и напомнить об их обязанностях. И они подчинялись. Петр Федорович сам признавал, что не в состоянии это сделать. Различие между ними заключается в том, что он всерьез играет в солдатиков и вешает крыс, его «управление» игрушечное, а она над этим смеется.

Но далее без всякого перерыва Екатерина вставляет в свои «Записки» еще один эпизод. Он не менее интересен и дидактичен.

«Во время этого пребывания двора в Москве случилось, что один камер-лакей сошел с ума и даже стал буйным. Императрица приказала своему первому лейб-медику Бургаву иметь уход за этим человеком, его поместили в комнату близ покоев Бургава, который жил при дворе. Случилось как-то, что в этом году несколько человек лишились рассудка; по мере того как императрица об этом узнала, она брала их ко двору, помещала возле Бургава, так что образовалась маленькая больница для умалишенных при дворе».

По воле императрицы «маленькая больница для умалишенных при дворе» Елизаветы Петровны? Как вам это нравится? Кто же пациенты елизаветинского двора? Приводится список «больных», в том числе упоминается монах Воскресенского монастыря, срезавший себе бритвой причинные места. Главным среди психов был

майор Семеновского полка Чаадаев. «Сумасшествие Чаадаева заключалось в том, что он считал Богом шаха Надира, иначе Тахмас-Кулы-хана, узурпатора Персии и ее тирана». Врачи не могли излечить от этой мании, потому его поручили попам, а те убедили Елизавету Петровну, чтобы она велела изгнать из него беса. Она сама присутствовала при обряде, но Чаадаев остался таким же безумным, каким, казалось, он был. Однако же были люди, которые сомневались в его сумасшествии, потому что он здраво судил обо всем прочем, кроме шаха Надира; его прежние друзья приходили даже с ним советоваться о своих делах, и он давал им здравые советы, те, кто не считал его сумасшедшим, приводили причину этой притворной мании — он имел грязное дело на руках, от которого он отделался только хитростью: с начала царствования императрицы он был назначен в податную ревизию, его обвиняли во взятках и он подлежал суду; из боязни суда он и забрал себе эту фантазию, которая его и выручила⁵.

Скажите, кто выглядит нелепее: императрица Елизавета Петровна, изгоняющая беса из коррупционера, прикинувшегося сумасшедшим, или ее наследник, повесивший крысу? Трудно сказать. Оба хороши! А каково управление Елизаветы?! Ее водит за нос взяточник, а она из двора устраивает психолечебницу!

Одним словом, елизаветинский двор — это палата № 6!

И как бы в подтверждение этого вывода рассказывается о молнии, которая ударила в церковь, где молилась Елизавета. Это как бы гнев Божий!⁶ А несколькими строками ниже описывается грандиозный пожар в московском дворце. Маленькая деталь. Опять крысы, которых, как мы помним, вешал Петр Федорович. «Я увидела тогда, — пишет Екатерина II, — странную вещь: удивительное количество крыс и мышей, которые спускались по лестнице гуськом, не слишком даже торопясь»⁷.

Упоминание о крысах неслучайно. У Екатерины ни одна деталь не упомянута просто так. Эти проявившиеся в отличие о растерявшихся людей, сознательную организованность крысы оказываются умнее того, кто их вешал! Люди не могли спасти дом от пожара, потому что поместили те немногие инструменты, которые имелись, под залой, охваченной огнем. И сразу же на ум приходят слова Екатерины II о том, что прежде, чем вешать крысу, надо было по крайней мере выслушать ее оправдание. То есть автор «Записок» как бы намекает на то, что умная крыса поступила, может быть, и не так дурно, когда ли-

шила недоразвитого инфанта игрушки из крахмала. Ни к чему серьезные военные занятия подменять детскими играми.

И наконец заключительный штрих к этому разделу «Записок». Речь идет о пожитках, оставшихся после пожара, которые валялись в грязи перед сгоревшим дворцом. Описывая этот эпизод, Екатерина ненавязчиво объясняет читателю, в чем состояли достоинства каждого. Она сама потеряла серьезные книги. Но этого утверждения Екатерине показалось недостаточно. Она сделала вставку в рукопись «Записок», в которой сообщила: что касается императрицы, то она «потеряла в этом пожаре все, что привезли в Москву из ее огромного гардероба. Я имела честь услышать от нее, что она лишилась четырех тысяч пар платьев...»⁸

О муже здесь говорится следующее: «Этот пожар натолкнул на открытие, которое сделал Чоглоков. У великого князя в его покоях было много очень больших комодов; когда их вынесли из его комнаты, несколько открытых или плохо закрытых ящиков представили глазам зрителей то, чем они были наполнены. Кто бы поверил, что эти ящики содержали не что иное, как громадное количество бутылок вина и крепких настоек; они служили погребом его императорскому высочеству. Чоглоков рассказал мне об этом; я ему сказала, что не знала этого обстоятельства, и сказала правду: я ничего об этом не ведала, но видела очень часто и почти ежедневно великого князя пьяным»⁹.

А вот у самой Екатерины потери были, конечно же, совсем иного рода. «Чего мне было более всего жалко, так это моих книг. Я кончала тогда четвертый том “Словаря” Бейля; я употребила на это чтение два года; каждые шесть месяцев я одолевала один том, поэтому можно представить себе, в каком одиночестве я проводила мою жизнь»¹⁰.

У Петра — бутылки, у Елизаветы — платья, а у Екатерины — книги. Итак, пьянчужка, модница, книгочей! Вот три ярлыка, которые навсегда приклеены к трем главным персонажам. Кто из них более всего достоин российского трона? Вопрос, как говорится, риторический.

Неужели после этого можно всерьез говорить о том, что пьяница-наследник повесил крысу?

1. Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 342–343.

2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. XII (23–24). С. 340–348.

3. *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. IV: Курс русской истории. Ч. IV. С. 317–318.
4. Записки императрицы Екатерины Второй. С. 341–342.
5. Там же. С. 343–344.
6. Там же. С. 344.
7. Там же. С. 345.
8. Там же. С. 346.
9. Там же. С. 347–348.
10. Там же. С. 346.